

У ПОДНОЖИЯ ТРОНА

Конечно, блеск двора Елизаветы не мог не поражать современников, но вызывал он у них не только восторги и изумление. Так, в роскоши елизаветинского двора князь М. М. Щербатов видел упадок нравственности, утрату русским дворянством и самодержавием «простоты, благородства древних», возобладание пороков над добродетелями. В своем знаменитом политическом памфлете «О повреждении нравов в России» Щербатов поднимается до полного отрицания современного ему стиля и принципов жизни дворянского общества, осуждает как моральное преступление роскошь двора Елизаветы, равно как и господствовавшие там нравы. «Двор, подражая или, лучше сказать, угрожадая императрице, в златотканые одежды облакался, вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богаче, в столе — все, что есть драгоценнее, в питье — все, что есть реже, в услуге — возобновля древнюю многочисленность слуг, приложили к оной пышность в одеянии их. Екипажи возблистали златом, дорогие лошади, не столь для нужды удобные, как единственно для виду, учинились нужны для вожения позлащенных карет. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими мебелью, зеркалами и другими. Все сие составляло удовольствие самим хозяевам, вкус умножился, подражание роскошным народам возрастало, и человек делался почтителен по мере великолепия его житья и уборов»¹.

Оставляя в стороне этические воззрения М. М. Щербатова, отметим, что в своем памфлете он пришел к очень важному выводу, подчеркивающему особенность развития русского абсолютизма в XVIII в. Речь идет о возросшей по сравнению с прошлым зависимости верхушки «природного» русского дворянства от «монаршей щедроты», об утрате в связи с этим аристократией самостоятельности и низведении ее до положения слуг, стоящих у трона и ждущих от монарха подачек. Мысль Щербатова подтверждается челобитной М. И. Воронцова, просившего императрицу дать ему денег: «Мы все, верные ваши рабы, без милости и награждения в. и. в. прожить не можем. И я ни единого дома фамилии в государстве не знаю, который бы собственно без награждения монаршеских щедрот себя содержал»². Именно это и удручало аристократа Щербатова.

Зависимость от милостей монарха порождала резко осуждаемый Щербатовым фаворитизм — господство ничтожных, по его мнению, людей, достигших высокого положения не своими достоинствами и добродетелями, а «пронырством», угодничеством и интригами. Щербатов буквально бичует многочисленных фаворитов Елизаветы и Екатерины II.

В блестящей толпе придворных, окружавших Елизавету, нужно сразу выделить Алексея Григорьевича Разумовского, которого традиционно принято считать тайным мужем императрицы, обвенчанным с нею в подмосковном селе Перово в 1742 г. Однако прямых свидетельств заключения брака бывшего казачьего сына и певчего при дворе цесаревны Алексея Розума с императрицей нет. Рассказ С. С. Уварова со слов своего тестя о том, что Разумовский, идя навстречу желанию Екатерины II, не хотевшей брака с Григорием Орловым, сжег документы, подтверждавшие заключение брака, проверить сейчас невозможно. Правда, устойчивые слухи о браке императрицы с бывшим певчим стали достоянием дипломатов уже в 40-х годах XVIII в. Так, в 1747 г. секретарь саксонского посольства Пецольд писал: «Все уже давно предполагали, а я теперь знаю достоверно, что императрица несколько лет назад вступила в брак с обер-егермейстером»³. Обращают на себя внимание и некоторые косвенные обстоятельства, подтверждающие слухи о заключении брака. В частности, в списке членов лейб-компаний А. Г. Разумовский — единственный лейб-компанец, против фамилии которого в графе о семейном положении нет никакой отметки, хотя несемейное положение мужчины в XVIII в. считалось странным и даже предосудительным.

Еще больше слухов вызвала история с якобы существовавшими детьми Разумовского и Елизаветы. Можно согласиться с предположениями А. А. Васильчикова, считавшего недостоверными все слухи о заточенных в монастыри старницах — дочерях Елизаветы, о семье Таракановых — детях от брака императрицы с Разумовским. Убедительной кажется и его интерпретация версии о происхождении фамилии Таракановы от фамилии племянников Разумовского — Дараган. Они воспитывались при дворе, к ним хорошо относилась императрица — впрочем, как и ко всем родственникам Алексея Разумовского. В камер-фурьерском журнале они упомянуты как «Дарагановы». Отсюда один шаг до «князей» или «графов» Таракановых и их покрытой мраком «страшной тайны» в западной литературе XVIII в., как и до леденящей душу и вызывающей жгучий интерес непросвещенного зрителя картины К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова». Небезосновательной кажется и мысль А. А. Васильчикова о том, что в XVIII в. иметь побочных детей не считалось особенно предосудительным и если бы они были у Елизаветы, то вряд ли бы их стали прятать по монастырям или за границам⁴. Благополучная судьба побочных сыновей И. Трубецкого и без-

вестной шведки, а также Екатерины II и Григория Орлова — И. И. Бецкого и А. Г. Бобринского — очевидное подтверждение этой мысли.

Начало фавора — или, как тогда говорили, «случая» — Разумовского относится к 1731 г., когда, по сообщению генерального подскарбия Я. Марковича, проезжавший через черниговское село Чемар полковник Ф. С. Вишневский приметил в местной церкви молодого красавца певчего с прекрасным голосом и взял его в Петербург в придворную капеллу. Оттуда он вскоре перешел к Елизавете Петровне, сразу оценившей его достоинства.

В этой истории нет ничего невероятного: малороссийские певчие высоко ценились при дворе и в большом количестве привлекались к придворной службе. В Глухове существовала даже специальная музыкальная школа, готовившая мальчиков для придворного хора. Любившая хоровое пение Елизавета тоже посылала на Украину доверенных лиц, которые присматривали способную молодежь для хора «малого двора»⁵.

Впервые в документах имя молодого казака появляется при дворе цесаревны не позже 1731 г. В списках придворных Елизаветы Петровны, которым ежедневно выдавались «к поставцу» вино и пиво, наряду с камер-пажом Шубиным упомянут и певчий Алексей Григорьев. Примечательно, что имя его стоит не в конце списка, куда отнесены певчие, а значительно выше — среди камердинеров, служителей более высокого ранга. После ссылки Шубина Разумовский стал безраздельным хозяином двора Елизаветы. Его возросшее в 30-х годах значение отражают многочисленные письма и челобитные, посылаемые Разумовскому просителями разного ранга. Среди них были и родственники Елизаветы. Так, осенью 1741 г. двоюродный брат цесаревны А. Ефимовский просил Разумовского похлопотать о продвижении его по служебной лестнице и — что особенно примечательно — подтолкнуть на эти хлопоты саму Елизавету. Из его письма от 9 октября видно, что подобная просьба не была первой: «И хотя я многократными моими письмами, конечно, вам скучаю...» Признавали первенствующее положение Разумовского при «малом дворе» и придворные Елизаветы. В письме Елизавете в 1738 г. П. И. Шувалов передает поклоны товарищам своим, «а особливо Алексею Григорьевичу...»⁶.

Хотя сам Разумовский и не участвовал в перевороте 25 ноября 1741 г., он был сразу пожалован в поручики лейб-кампании с чином генерал-поручика, стал действительным камергером наравне с братьями А. И. и П. И. Шуваловыми и М. И. Воронцовым. В день коронации императрицы бывший певчий получил орден Андрея Первозванного, чин обер-егермейстера и огромное количество земли и душ. В 1756 г. императрица пожаловала ему чин генерал-фельдмаршала и подарила Аничков дворец.

Что это был за человек? Современники в один голос утверждали, что Разумовский, пользовавшийся долгое время огромной

властью, вел себя на редкость скромно: не стремился к высшим государственным постам и по возможности избегал участия в придворных интригах. Со страниц воспоминаний и писем он предстает добродушным лентяем, мало чем интересовавшимся и мало что умевшим, но не лишенным чувства юмора. Согласно легендам, он довольно иронически относился к своему «случаю» и своей персоне. Пожалуй, единственное, что делал скромный Разумовский активно и беззастенчиво,— это обогащался за счет многочисленных подарков императрицы деньгами, землями, крепостными крестьянами и способствовал обогащению своей бедной и многочисленной черниговской родни, к которой был очень привязан и относился необычайно внимательно.

Вместе с тем Разумовский не хотел, чтобы его многочисленные родственники надоедали своими просьбами и присутствием Елизавете. Перед приездом Елизаветы в Козелец он писал матери, чтобы управляющий Семен Пустота «накрепко смотрел и наблюдал, дабы не ходил и не шатался б... чтоб он как зятьям, дядьям, так и всей родне именем моим приказал бы быть всем в одном собрании в деревне Лемешах (родная деревня Розумов.— *Е. А.*) и дожидаться бы тамо моего свидания... а наипаче запретить, чтоб отнюдь никто с них в то время именем моим не фастал бы и не славился б тем, что он мне родня...»⁷.

Если карьера Алексея Разумовского поражает воображение, то «случай» его брата Кирилла кажется вообще сказочным. В один прекрасный день 16-летний пастух был вызван в столицу, облагодетельствован и послан учиться за рубеж. Совершив приятное двухлетнее путешествие по Европе, он вернулся в Петербург и был сразу назначен президентом Академии наук, что не могло не изумить даже привыкших к быстрым переменам своего времени людей XVIII в.

В 1750 г., т. е. в 22 года, Кирилл Разумовский стал гетманом Украины, что приравнивалось к чину генерал-фельдмаршала, получил огромные поместья, в том числе владения, некогда принадлежавшие А. Д. Меншикову, и зажил как этот «полудержавный властелин», правда не имея его изнуряющих душу и тело хлопот. Поддерживая связи с украинскими феодалами, братья Разумовские оказывали своим землякам помощь, по всей вероятности, далеко не бескорыстно. Известно, что И. С. Гендриков, направленный на Украину для организации «добровольного» выдвижения Кирилла Разумовского на должность гетмана, получил от генеральной старшины в подарок 10 тыс. руб.

Хотя Алексей Разумовский сам отстранялся от государственных дел, его потенциальное значение в их решении (благодаря близости к императрице) было огромно. Пецольд в 1747 г. писал в Дрезден: «Влияние старшего Разумовского на государыню до того усилилось после брака их, что, хотя он прямо и не вмешивается в государственные дела, к которым не имеет ни влечения, ни талантов, однако каждый может быть уверен в

достижении того, что хочет, лишь бы Разумовский замолвил слово»⁸⁻¹⁰.

Кроме земляков и родственников этим долго пользовался канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, сумевший не только наладить добрые отношения с Алексеем и Кириллом с целью использовать их в своих интригах при дворе, но и связать себя с семьей Разумовских родственными отношениями. В 1747 г. Алексей Петрович женил своего сына Алексея на племяннице фаворита фрейлине Авдотье Даниловне, что усилило значение Бестужева-Рюмина в решении внешнеполитических дел и способствовало падению противника канцлера И. Г. Лестока.

С начала 50-х годов XVIII в. влияние А. Г. Разумовского на Елизавету стало заметно падать. Причиной послужило усиление группировки Шуваловых благодаря тому, что фаворитом императрицы стал И. И. Шувалов. Но главой клана Шуваловых являлся его двоюродный брат Петр Иванович Шувалов.

Современники единодушно в отрицательной оценке Петра Шувалова. М. М. Щербатов в книге «О повреждении нравов в России» называет его даже «чудовищем». По-видимому, действительно в его характере, манере поведения было много такого, что отталкивало одних и страшило других. Непомерно честолюбивый, несдержанный и надменный, а кроме того, сказочно богатый, Шувалов имел массу врагов и недоброжелателей. Как писал французский дипломат Ж.-Л. Фавье, генерал-фельдмаршал «возбуждал зависть азиатской роскошью в доме и в своем образе жизни: он всегда покрыт бриллиантами, как Могол, и окружен свитой из конюхов, адъютантов и ординарцев»¹¹. На протяжении ряда лет Шувалов цепко держал в своих руках нити власти. Его дворец в Петербурге был своеобразным филиалом высшего государственного учреждения, куда с раннего утра приезжали с докладами и просьбами государственные деятели, генералы, придворные.

Любопытно, что у П. И. Шувалова, сделавшего свою карьеру в атмосфере фаворитизма и угодничества, был... свой фаворит, обладавший огромной властью над людьми и во всем подражавший своему господину. Речь идет о генерал-адъютанте Шувалова М. А. Яковлеве, А. Т. Болотов, бывший на приеме у фаворита, писал: «Вошед в зал, нашел я его весь набитой народом; я увидел тут множество всякого рода людей: были тут и знатные особы, и низкого состояния люди, и все с некоторым родом подобострастия дожидаящиеся выхода в зал любимца графского для принятия прошений и выслушивания просьб. Мое удивление еще увеличилось, когда увидел я, что самые генералы в лентах и кавалериях, приехавшие при мне, не осмеливались прямо и без спроса входить в его предспальню, но с некоторым уничижением у стоящих подле дверей лакеев спрашивали, можно ли им войтить и не помешают ли Михайле Александровичу — так называлась тогда сия столь знаменитая особа, не имеющая хотя...

больше подполковничьего чина. Но не чин тогда был важен, а власть его и сила, которая простиралась даже до того, что все, кому бы ни хотелось о чем спросить графа, должныствовали наперед просить сего любимца... Мы прождали его еще с добрую четверть часа, но, наконец, распахнулись двери, и графский фаворит вошел в зал в препровождении многих знаменитых людей, и по большей части таких, кончинами своими были гораздо его выше. Не успел он показаться, как все сделали ему поклон не с меньшим подобострастием, как бы то и перед самим графом чинили»¹².

Как и положено фавориту, у Яковлева были свои причуды и капризы. Хлопотавших, как Болотов, о получении офицерского чина он принуждал часами молиться вместе с ним в церкви и выдавал офицерские патенты в зависимости от усердия испытываемого в отбивании поклонов. В фаворитах Яковлев продержался несколько лет, и уже другой проситель — мемуарист М. В. Данилов застал его в 1758 г. утратившим «силу». Шувалов «избрал себе в любимцы из канцелярских переписчиков подьяческого сына Макарова», который «своим проворством как для письменных дел способным, так и в других нежных услугах графу понравился: граф пожаловал Макарова своим адъютантом»¹³.

Начало выдвижения Петра Шувалова в ряды первых сановников Елизаветы относится к середине 40-х годов XVIII в. Этому в немалой степени способствовала его женитьба на молодой, некрасивой, но любимой фрейлине Елизаветы Мавре Егоровне Шепелевой. Веселая и умная Мавра на протяжении десятков лет являлась ближайшей подругой Елизаветы. Досконально изучив привычки и непростой характер своей госпожи, она смогла до самой своей смерти в 1759 г. сохранить доверие императрицы и научилась тонко и ненавязчиво, играя на слабостях Елизаветы, извлекать из своего влияния реальные выгоды. Я. П. Шаховской в своих записках повествует, как Мавра, выполняя задание мужа, поссорившегося с Шаховским, сумела настроить против Шаховского Елизавету и добиться его наказания¹⁴. М. М. Щербатов писал, что Петр Шувалов достиг служебных успехов и богатства, «соединяя все, что хитрость придворная наитончайшая имеет, то есть не токмо лесть, угождение монарху, подслуживание любовнику Разумовскому, дарение всем подлым и развратным женщинам, которые были при императрице (и которые единые были сидельщицы у нее по ночам, иные гладили ноги), к пышному, немного знаменующему красноречию»¹⁵.

После женитьбы на Шепелевой в 1742 г. Петр Шувалов быстро пошел в гору. В 1744 г. он уже генерал-лейтенант и сенатор, через два года — камергер и граф. Особенно возросло влияние Шувалова в 50-е годы, когда фаворитом Елизаветы стал его двоюродный брат Иван Иванович. В отличие от Ивана Петр Шувалов совершенно не вмешивался во внешнюю политику, но прочно завладел внутренними делами государства, верховодя в

Сенате, в военном и финансовом ведомствах. Конечно, Петр Иванович был силен не только связями своей жены или двоюродного брата. Ярый ненавистник Шувалова генерал-прокурор Я. П. Шаховской признавал за ним «острые пронизательства», а ядовитый М. М. Щербатов, поместивший на страницах своей знаменитой книги карикатурную галерею фаворитов, писал о нем так: «Петр Иванович Шувалов был человек умный, быстрый, честолюбивый...» и т. д.¹⁶ Думается, эти характеристики справедливы, ибо, как известно, первое, в чем стремятся отказать человеку его враги,— это в уме.

Анализ многолетней деятельности Петра Шувалова позволяет отметить присущее ему и довольно редкое у его современников качество — чувство нового. В сочетании с честолюбием, энергией, властной уверенностью в правоте (а иногда и в безнаказанности) это свойство ума и характера выдвигало Петра Шувалова из среды его коллег по Сенату, предпочитавших, по словам Я. П. Шаховского, «ставить парусы по ветру», избегать всякой инициативы и — как следствие этого — ответственности. Шувалов действовал иначе. После смерти Петра Великого в России, пожалуй, не было другого государственного деятеля, который бы подобно Петру Шувалову так живо откликался на всякое предложение, новую идею и поощрял на этом пути своих подчиненных.

М. В. Данилов, натерпевшийся в своей жизни от Шувалова, в мемуарах отмечает эту черту своего начальника и пишет, что «граф был охотник (до проектов.— Е. А.) и сего требовал от всех офицеров, кто может что показать». Заметив в молодом Данилове склонность к изобретательству, Шувалов приблизил его к себе, «так что когда за столом при обеде случалось ему, графу, разговаривать и советовать об артиллерии, то, оставя всех с ним сидящих, требовал» от Данилова «своему разговору одобрения и изъяснения. Я,— продолжал мемуарист,— ему отвечал на все его слова по приличности и, видя хорошее о себе мнение, утешался тем не мало»¹⁷. Чтобы оценить эту черточку характера и широту натуры Шувалова, нужно на минуту представить себе пышность и церемонность обедов первейшего сановника России и то, как этот увешанный бриллиантами генерал-аншеф, оставив самое изысканное общество, увлеченно обсуждал с неизвестным артиллерийским поручиком устройство орудий.

По словам Данилова, «графский дом наполнен был тогда весь писцами, которые списывали разные от графа прожекты». Действительно, с 1744—1745 гг. и вплоть до самой смерти в начале 1762 г. Петр Шувалов представлял на рассмотрение Елизавете и Сенату огромное количество разнообразных проектов по многим отраслям внутренней политики. Современники отмечали необычайную велеречивость Шувалова, выражавшегося высокопарно и витиевато. Вот, к примеру, выдержка из его проекта «О разных государственной пользы способах» (1754 г.):

«Не всяк ли чувствует общее добро, которое, протекая от края до края пределов империи, напаяет, питая обитателей, так обильно, что сверх чаяния и желанию человеческому свойственных вещей неописанные милосердия от руки ея ниспосылаются. Отечество возрастает из силы в вышних сил пределы, народ и все общество благоденствует, плавая в полезностях, произведенных им, заключение небесное судьбы свои нам открывает, на какой конец их определило...»¹⁸

На этом, щадя читателя, прервем Цицерона елизаветинских времен, но отметим, что Шувалов писал так совсем не для того, чтобы словесным кружевом скрыть пустоту своих проектов. Его проекты были подчас на редкость содержательны, оригинальны и в ряде случаев опережали время. Так что словесные кружева предназначались для усиления воздействия идей на читателей, придавали проектам характер самостоятельных произведений. При этом нужно учитывать, что Шувалов, имея под рукой целый штат переписчиков, распространял в столице большое количество копий своих проектов, «о коих тогда везде в знатных домах разговоры употребляемы были»¹⁹.

Проектов было так много, что уже М. В. Данилов пытался классифицировать их: «Некоторые из них были к приумножению казны государственной, которой на бумаге миллионы поставлено было цифром; а другие прожекты были для собственного его графского верхнего доходу»²⁰. Такая классификация не совсем верна, хотя и остроумна.

Действительно, многие предложения Петра Шувалова предполагали увеличение доходов казны и по своей сути были проектами, типичными для «прибыльщиков» времен Петра I. Например, Шувалов предложил чеканить из пуда меди монеты не на 8 руб., как раньше, а на 16 руб. и затем на 32 руб., аналогично тому как при Петре выпускались для покрытия военных расходов новые деньги с уменьшенным количеством серебра. Разумеется, казна получила от чеканки новой медной монеты учетверенную прибыль, но, как отмечал С. М. Троицкий, это было лишь временным выходом из финансовых затруднений, «а в дальнейшем вело к нарушению экономической жизни и полному расстройству денежного обращения в стране»²¹. Конечно, сказано несколько сильнее, чем следовало, — расстройства финансов, да к тому же полного, в результате порчи монеты Шуваловым не произошло, но одно несомненно: в течение XVIII в. такие и им подобные мероприятия привели к общему обесцениванию денег в стране в 5 раз.

Как сугубо фискальные можно было бы рассматривать и проекты Шувалова о винной и соляной торговле, реализация которых привела к росту цен на вино и соль, если бы не цель, которую они преследовали, — постепенно заменить прямое обложение косвенным, как более прогрессивным и эффективным средством увеличения государственных доходов. Так же обстояло дело и

с шуваловскими проектами по торгово-промышленной политике: хотя многие из них были выдержаны в традиционном духе протекционизма и меркантилизма и несли в себе мало нового, однако предложенная Шуваловым отмена внутренних таможен являлась для своего времени необычайно смелой реформой и имела принципиальное значение для будущего развития национальной экономики.

Пожалуй, однозначно следует оценить лишь те проекты Петра Шувалова, которые вводили монопольное право самого Шувалова на различные промыслы. В 1748 г. он взял на откуп соляной промысел, затем прибрал к рукам китоловный, тюлений и другие промыслы на Севере. Став крупнейшим «монополистом», он подорвал основу мелкого предпринимательства и промыслов на Севере и Каспии. Откупа, приносящие Петру Шувалову огромные доходы, сделали его имя весьма известным в народе. Екатерина II вспоминала, что вынос тела покойного фельдмаршала затянулся и замерзшие люди рассуждали: «...иные, вспомя табашной того, Шувалова, откуп, говорили, что долго его не везут по причине той, что табаком осыпают; другие говорили, что солью осыпают, приводя на память, что по его проекту накладка на соль последовала; иные говорили, что его кладут в моржовое сало, понеже моржовое сало на откуп имел и ловлю трески. Тут вспомнили, что ту зиму трески ни за какие деньги получить нельзя, и начали Шувалова бранить и ругать всячески. Наконец, тело его повезли из его дома на Мойке в Невский монастырь. Тогдашний генерал-полицмейстер Корф ехал верхом пред огромной церемонией, и он сам мне рассказывал в тот же день, что не было ругательства и бранных слов, коих бы он сам не слышал противу покойника, так что он, вышед из терпения, несколько из ругателей велел захватить и посадить в полицию, но народ, вступаясь за них, отбил было, что видя, он оных отпустить велел, чем предупредил драку и удержал, по его словам, тишину»²².

Жажда наживы, сжигающая Шувалова, толкнула его и на промышленное предпринимательство.

Противники обвиняли Петра Шувалова в том, что, изобретая новые источники доходов казны, он сам становился руководителем всех планируемых им перемен и таким путем обогащался. Об этом писали М. М. Щербатов, Я. П. Шаховской, а также Екатерина II, считавшая деятельность Петра Шувалова не очень полезной для государства, но достаточно прибыльной для него самого. С подобными обвинениями трудно не согласиться.

Петр Шувалов стремился не только возглавить каждое предложенное им дело — будь то составление Уложения, денежная реформа, межевание или организация банков, — но и вывести созданное для реализации его предложений учреждение из-под контроля Сената. Став генерал-прокурором, Я. П. Шаховской столкнулся с тем, что Шувалов, руководя выпуском в обращение

новой медной монеты, не представлял в Сенат никакой отчетности. Естественно, в этих условиях у Шувалова были большие возможности положить в карман несколько десятков тысяч рублей. Склонность обойти закон, сделать для себя и «своих» людей исключение вообще характерна для Петра Шувалова. Так, его брат Александр, захватив крупнейшие металлургические заводы европейского Центра, сумел с его помощью добиться от Сената льготных для себя, но идущих вразрез с действовавшим тогда горным законодательством постановлений и тем самым безжалостно расправиться со своими конкурентами — заводоладельцами из купечества²³.

Особую любовь испытывал Петр Шувалов к военному делу, хотя службу начал при дворе и генеральское звание получил не за боевые заслуги. В 1756 г. он добился восстановления должности начальника артиллерии — генерал-фельдцейхмейстера и сам же ее занял. Руководство Шувалова было для русской артиллерии весьма плодотворным. Он значительно расширил артиллерийский парк, способствовал его качественному обновлению за счет изобретенных и усовершенствованных под его руководством орудий. Наибольшую известность получили так называемые шуваловские гаубицы и единороги. Они выгодно отличались от прежних типов орудий легкостью и соответственно маневренностью. Акцент на огонь разрывными снарядами и картечью в сочетании со скорострельностью новых моделей резко повысил действенность орудийного огня. Все это вместе с организационными изменениями в артиллерийском хозяйстве обеспечило успех русской артиллерии в сражениях Семилетней войны, особенно под Кунерсдорфом.

Правда, нужно учитывать, что похвалы шуваловским пушкам заведомо преувеличивались в донесениях из армии Конференции при высочайшем дворе, ибо членом ее был Петр Шувалов, а он ревниво следил за успехами «его» артиллерии. Как всякий дилетант, Шувалов преувеличивал значение им изобретенного. В одной из записок по воинским делам он глубокомысленно рассуждал: «...главное и первое есть упование в том, чтобы биться и победу свою доставить действием артиллерии, а полки в такой позиции построены были, чтобы единственно (!) для прикрытия артиллерии служили и в случае надобности, по обращениям неприятельским, в состоянии были во всякую позицию себя спешно построить, какая для победы неприятеля служить может»²⁴. Попробовали бы главнокомандующие после таких сентенций рапортовать Конференции о неудачных действиях артиллерии!

Кроме «его» артиллерии у Шувалова была и «его» армия. Дело в том, что в 1756 г. он добился разрешения Елизаветы на создание отдельного 30-тысячного корпуса, названного вначале Запасным, а потом — Обсервационным. Корпус создавался по проекту и при непосредственном участии Шувалова, который

стал его командующим. И хотя на организацию корпуса было потрачено более 1 млн. руб., новое поспешно созданное воинское соединение оказалось небоеспособным, и дважды — при Цорндорфе и Кунерсдорфе — его солдаты бежали с поля боя, создавая тем самым критическую обстановку для всей русской армии, причем в сражении при Цорндорфе грубо нарушили дисциплину. Но и В. В. Фермор — главнокомандующий армией при Цорндорфе, и П. С. Салтыков — при Кунерсдорфе, боясь разгневать могущественного П. И. Шувалова, писать правду о поведении Обсервационного корпуса не решались.

Любопытно, что Обсервационный корпус в подлинном смысле был отдельной армией, ибо командующий корпусом не находился в прямом подчинении у главнокомандующего русской армией. Вначале Шувалов решил сам вести в поход свою армию, но потом передумал, назначив себе заместителя, лишнего всякой инициативы и обязанного обо всем договариваться с Шуваловым, сидевшим в Петербурге. По расчетам Петра Ивановича, особой инициативы от заместителя и не требовалось: перед походом корпуса Шувалов уже сочинил «планы операций, служащие к сему корпусу для одержания победы над неприятелем»²⁵. Жизнь довольно скоро опровергла планы генерал-фельдцейхмейстера, и корпус пришлось ликвидировать.

В последние годы царствования Елизаветы Петр Шувалов часто болел, но это не помешало ему вовремя перестроиться и войти в доверие к наследнику престола Петру Федоровичу, который, став императором, сделал честолюбивого Шувалова генерал-фельдмаршалом.

Разумовские и Шуваловы были двумя соперничавшими группировками при дворе. Их борьба хотя и не носила открытого характера, но существенно влияла на судьбу вовлеченных в нее вельмож. Среди них выделим Михаила Илларионовича Воронцова, который с 1744 по 1758 г. был вице-канцлером, а в 1758 г. сменил А. П. Бестужева-Рюмина на посту канцлера. Однако характер отношений этих государственных деятелей, судя по их переписке в середине 40-х годов, явно не соответствовал их положению относительно друг друга — так подобострастен тон писем канцлера своему подчиненному. Между тем анализ расстановки реальных сил при дворе в начале царствования Елизаветы показывает, что первое впечатление не было обманчивым.

Сразу после переворота Воронцов был в числе ближайших сподвижников Елизаветы, и его влияние при дворе далеко превосходило влияние Бестужева-Рюмина — вчерашнего сторонника Бирона. Воронцов начал свою карьеру, казалось бы, так же неудачно, как и братья Шуваловы. Камер-юнкерство при дворе Елизаветы в годы царствования Анны не открывало никаких перспектив для молодого человека. Но он, по-видимому, был искренне предан цесаревне и заслужил ее полное расположение. Сохранилась ранняя переписка Елизаветы с Воронцовым, приме-

чательная доверительностью и дружелюбием. Так, письмо Елизаветы Воронцову, уехавшему в 1738 г. в Москву по делам управления вотчинами цесаревны, заканчивается словами: «...только остаюсь всегда одинакова к вам — как была, так и пребуду верной — ваш друг Михайлова». В подписи Елизаветы нельзя не усмотреть подражания своему великому отцу, подписывавшему письма ближайшим соратникам «Петр Михайлов». 30 января 1739 г. Елизавета писала, что с нетерпением ждет возвращения Воронцова из Москвы: «...желаем вас видеть на тетеревах, понеже... мы намерены отъехать в Царское Село, где и вас ожидать будем... Не погневайся, что несвоевременно к вам писала: не для чего больше, только в несовершенно нахожусь здравии».

Не удивительно, что такой человек оказался на запятках саней цесаревны в памятную ночь 25 ноября 1741 г. Не удивительно и то, что Елизавета, став императрицей, подписывала письма к Воронцову по-прежнему: «...и остаюсь верный друг ваш Елизавет»²⁶. В 1742 г. она породнилась с Воронцовым, выдав за него свою двоюродную сестру Анну Карловну Скавронскую. Следующие за этим три года стали апогеем влияния Воронцова, перед которым пресмыкался канцлер Бестужев-Рюмин.

Современники не испытывали к Воронцову такой неприязни, как к Петру Шувалову. Ж.-Л. Фавье, характеристики которого отличаются точностью и во многом подтверждаются другими источниками, дает Воронцову следующую оценку: «Этот человек хороших нравов, трезвый, воздержанный, ласковый, приветливый, вежливый, гуманный, холодной наружности, но простой и скромный... Его вообще мало расположены считать умным, но ему нельзя отказать в природном рассудке. Без малейшего или даже без всякого изучения и чтения он имеет весьма хорошее понятие о дворах, которые он видел, а также хорошо знает дела, которые он вел. И когда он имеет точное понятие о деле, то судит о нем вполне здраво». Фавье отметил болезненность, утомленность Воронцова, его нежелание заниматься делами. Этим с самого начала сумел воспользоваться Бестужев-Рюмин, которому Воронцов, «совершенно неопытный в делах внешней политики, поначалу полностью доверился»²⁷.

Через Воронцова Бестужев-Рюмин оказывал влияние на императрицу и последовательно усиливал свои позиции при дворе. Одновременно канцлер не упускал из виду и связи своего заместителя. Дело в том, что значение Воронцова как доверенного лица Елизаветы не осталось без внимания иностранных дипломатов. Еще до того как он стал вице-канцлером, французский посланник Шетарди и прусский посол Мардефельд начали заискивать перед Воронцовым, пытаясь использовать его в борьбе против Бестужева-Рюмина, внешнеполитическая линия которого противоречила интересам Пруссии и Франции. В апреле 1745 г. министр иностранных дел Франции д'Аржансон писал сменившему Шетарди д'Аллиону: «По вашему описанию канцлера и

вице-канцлера можно заключить, что последний не замедлит взять верх, поэтому вам следует заранее относиться к нему очень бережно». Сам д'Аллион писал в Версаль 3 августа 1745 г.: «По существу нет ни тени сомнения, что второй прогонит первого, и это событие, столь же забавное, сколь и полезное, может быть, не заставит себя ждать бесконечно»²⁸.

Пикантность ситуации состояла в том, что письма французских дипломатов перлюстрировались и расшифровывались и откровения французского посланника читали и Бестужев-Рюмин, и Воронцов. Конечно, такая информация не способствовала улучшению отношений между коллегами. Постепенно Воронцов начинает отдаляться от Бестужева-Рюмина, и о вице-канцлере начинают говорить как о защитнике интересов Франции и Пруссии. Английский посланник лорд Тироули сообщал в Лондон о ходе русско-австрийских переговоров 1745 г.: «Канцлер, видимо, одобрял мои доводы, но вице-канцлер с ним не соглашался, так как воздействие Пруссии на него было много сильнее. Здесь не скрывают, какими аргументами старались склонить вице-канцлера к таким воззрениям. Очень может быть, что он соблазнился их ясностью. Герсдорфу, представителю Голландии, и мне советовали убедить дворы наши последовать относительно канцлера тому же примеру, но удвоить прием. Но я далек был от мысли последовать такому совету, что не счел нужным и писать об этом, так как, раз вице-канцлер возьмет с обеих сторон, одну из них он должен обмануть, а я уверен, что интересы Пруссии ему ближе, чем наши»²⁹.

Тироули не ошибался: 19 мая 1744 г. Фридрих II писал своему посланнику в России Мардефельду: «Если есть способы, чтобы привлечь Воронцова на нашу сторону, то я уверен, что вы их не упустите». 19 июня прусский король уже хлопотал о пожаловании Воронцова графом Германской империи, а в письме своему посланнику при дворе германского императора характеризовал Воронцова как человека, «расположенного к моим интересам»³⁰. И как следствие этого Воронцов становится графом Германской империи.

В сложной придворной борьбе за влияние и власть Воронцов не был самым проворным и хитрым. Его французские и прусские симпатии после скандальной высылки из России Шетарди уже не нравились Елизавете, которая — в немалой степени благодаря Бестужеву-Рюмину — заняла ярко выраженную антипрускую позицию. Осенью 1745 г. Воронцов вместе с женой отправился в длительное путешествие по Европе. Это был серьезный тактический промах Воронцова. Английский посланник (с радостью) и французский (с грустью) писали своим правительствам, что Бестужев-Рюмин непременно использует отъезд Воронцова для усиления своего влияния и утверждения удобного ему внешнеполитического курса. Так это и произошло. Более того, Бестужев-Рюмин сумел настроить против своего «благодетеля» и

Елизавету, которой очень не понравилось, что Воронцов из России направился прямо в Берлин, где несколько раз встречался с Фридрихом II и его министрами. Когда через год чета Воронцовых вернулась в Петербург, при дворе их ожидал довольно прохладный прием.

В декабре 1749 г. Воронцов подал Елизавете челобитную, в которой писал: «Уже пятый год, всемилостивейшая государыня, настолит, как я, по несчастливом моем, однакож безвинном вояже из иностранных государств, неописанную и единому богу сведущему болезнь, сокрушение и горестное мучение жизни моей препровождаю, лишаясь дражайшей и безценной милости и поверенности в. и. в. ко мне, которую столь много прежде сего к великой моей радости наслаждался»³¹. Жалоба потерявшего «поверенность» императрицы царедворца оказалась гласом вопиющего в пустыне — Елизавета отстранилась от «верного друга» навсегда. Он пытался действовать через Разумовских, но и это не помогло. Бестужев-Рюмин мог торжествовать — Воронцов уже не влиял на проводимый канцлером курс политики.

Падение значения Воронцова было сразу же замечено Фридрихом II. Король писал Мардефельду: «Сказать по правде, я не вижу, какую пользу приносят сведения, которые сообщает нам важный друг, и его мелкие интриги; если бы я продолжал ему выдавать содержание, то это означало бы все равно что бросать деньги за окно»³².

Ситуация существенно изменилась лишь в начале 50-х годов XVIII в., когда выросло влияние нового фаворита — Ивана Ивановича Шувалова. Воронцов, бывший долгие годы в изоляции, сразу же «прилепился» к Шувалову. Именно благодаря поддержке Ивана Шувалова он начинает действовать вразрез с интересами Бестужева-Рюмина, который по многим причинам не устраивал фаворита. После продолжительной борьбы в 1758 г. Бестужев-Рюмин был свергнут и его место занял Воронцов. К этому времени Михаил Илларионович уже вполне овладел искусством руководителя внешнеполитической службы, о чем свидетельствуют его служебные записки и другие документы. Правда, они одновременно говорят и о несамостоятельности нового канцлера, ставшего послушным проводником политики нового фаворита. Несмотря на то что Воронцов занял высшую государственную должность, он не вернул прежнего расположения Елизаветы и был заслонен от нее широкими спинами братьев Шуваловых. Поэтому, опасаясь за свое место и власть, Воронцов обращал больше внимания не на дела, а на то, как бы удержаться на посту канцлера. Переписка М. И. Воронцова с И. И. Шуваловым показывает, что канцлер буквально навязывал свою дружбу временщику, причем эта дружба со стороны Воронцова была далеко не бескорыстна.

Из писем Воронцова следует, что в последние годы правления императрицы ему очень редко удавалось попасть к ней на

прием. Поэтому от Шувалова всецело зависело, когда передать присылаемые от канцлера дела и как охарактеризовать перед императрицей его деятельность. Кроме просьб по службе письма Воронцова фавориту полны ходатайств по личным делам. Он не раз просит временщика поставить императрицу в известность о том, что страдает от долгов. Не может не вызвать улыбку аргументация лукавого царедворца: «Мне желательно, чтобы ваше превосходительство имели во мне друга сильного и богатого, а не слабого и бедного, каким я теперь». В том же письме Воронцов предлагал Шувалову участие в сделке по вывозу хлеба за границу на льготных условиях, которых, однако, предстояло добиться у Елизаветы самому Шувалову³³.

Вообще челобитные Воронцова Елизавете, письма И. И. Шувалову, а ранее А. Г. Разумовскому — это сплошной стон погибающего от долгов и кредиторов бедняка. Он непрерывно просит денежных ссуд, земельных пожалований, причем, добившись их, тотчас начинает просить, чтоб казна выкупила у него земли. Вероятно, Воронцову не давали спать спокойно богатство и удачливость П. И. Шувалова в торгово-промышленных предприятиях и прожектерстве. Подражая Петру Шувалову, он пускается на различные промышленные и торговые авантюры, не имея к этому ни способностей, ни даже времени. Воронцов добивается монополии на вывоз за границу льняного семени; вместе с братом Романом получает из казны богатые медеплавильные заводы в Приуралье; составляет фантастический проект о введении в России полуфеодальных «княжеств», «графств» и «баронств» с соответственным обеспечением их государственной землей и «людишками». Думается, что последний проект писался не без задней мысли поправить свои дела и получить земельное владение, соответствовавшее его графскому титулу.

Но реальное положение дел Воронцова показывает, что он действительно страдал от безденежья, хотя и был очень богат. Деньги уходили от него, как в песок вода. После смерти Воронцова наследникам остались лишь долги. Между прочим, такая же судьба ждала и богатого, как Крез, П. И. Шувалова. Когда он умер, его состояние оценивалось в 588 тыс. руб. (готовая продукция заводов — в 113 тыс., 6 тыс. крепостных — в 170 тыс., петербургский и московский дома — в 90 тыс.; в наличности было 75 тыс. руб. золотом, а также бриллиантов — на 140 тыс. руб.). Но всех этих огромных денег наследникам не хватило, чтобы погасить гигантский долг Шувалова, достигший ко времени его смерти 680 тыс. руб.³⁴

Сочувствовать «горестям» расточительных вельмож Елизаветы, разумеется, не стоит, но попытаться их понять следует. Невероятная роскошь двора, непрерывные празднества требовали огромных расходов. Если сама императрица брала деньги прямо из казны, то ее вельможам приходилось труднее. Никто не хотел ударить в грязь лицом. Самое лучшее и дорогое и непременно

из Парижа — вот что было целью елизаветинских вельмож. При этом ограничиться каким-то минимумом было невозможно — роскошь регламентировалась законами, как при Петре бритые бороды и ношение европейского платья.

Так, по случаю бракосочетания наследника Петра Федоровича не только придворные, но и все дворяне должны были исполнять такой указ: «И понеже сие торжество чрез несколько дней продолжено быть имеет, то хотя для оного каждой персоне как мужеской, так и дамам по одному новому платью себе сделать надобно (впрочем, всемилостивейше дозволялось делать и более.— Е. А.). Служителей же при экипажах по нижеписанной пропорции иметь: 1-го и 2-го классов персонам у каждой кареты по 2 гайдука и от 8 до 12 лакеев, кто сколько похочет, токмо бы не менее 8 было, также по 2 скорохода и, кто может, еще по 2 или по одному пажу и по 2 егеря»³⁵. Столичное дворянство было обязано украшать дома французской мебелью, картинами, иметь великолепный выезд, массу лакеев, поваров и содержать «открытый стол», чтобы подобно П. Б. Шереметеву быть в состоянии угостить внезапно нагрянувшую императрицу с огромной свитой так, как если бы приготовления к приему велись загодя.

Конечно, в роскоши того времени был размах, но не было утонченности и лоска, присущих последующей эпохе. Не без иронии и злорадства Екатерина II описывает сцену выезда «в свет» при Елизавете: «Нередко можно видеть, как из огромного двора, покрытого грязью и всякими нечистотами и прилегающего к плохой лачуге из прогнивших бревен, выезжает осыпанная драгоценностями и роскошно одетая дама в великолепном экипаже, который тащат шесть скверных кляч в грязной упряжи, с нечесаными лакеями на запятках в очень красивой ливрее, которую они безобразят своей неуклюжей внешностью»³⁶.

«Скорбя» о нуждах своих усыпанных бриллиантами подданных, Елизавета приказала выдать им жалованье за год вперед, с тем чтобы они могли приодеться к очередному празднеству. Но денег все равно не хватало. Воронцов писал императрице: «...принужден был покупать и строить дворы, заводить себя людьми и экипажем и для бывших многих торжеств и праздников ливреи, платья богатые, иллюминации и трапезы делать». В итоге «содержание дома стало превосходить ежедневные доходы». Со вздохом «бедняк» восклицал: «Должность моя меня по-министерски, а не по-философски жить заставляет!»³⁷

В последнее десятилетие царствования Елизаветы Воронцов постоянно балансировал между двумя соперничавшими при дворе группировками — Шуваловых и Разумовских. И эта политика вполне удалась ему. Он пережил Елизавету и Петра III и с почетом вышел в отставку уже при Екатерине II.

Люди, впервые видевшие блестящий двор Елизаветы, могли не сразу заметить молодого круглолицего человека с мягкими, неброскими манерами. В нем ничего не было от богатырской

статии братьев Разумовских или напыщенной гордости Петра Шувалова, но его власть и влияние были необычайно велики. Этого молодого человека звали Иваном Ивановичем Шуваловым, и заслуживает он внимания потомков совсем не потому, что был одним из многих фаворитов.

Шувалов происходил из небогатой и незнатной дворянской семьи. Родился он в Москве в 1727 г., где и получил обычное по тем временам домашнее образование. Благодаря покровительству своих двоюродных братьев — Петра и Александра Шуваловых, занимавших важные должности в правительстве Елизаветы, он в конце 40-х годов попал ко двору и обратил на себя внимание красотой, умом, начитанностью. Екатерина II — в то время великая княгиня — вспоминала о молодом паже: «...я вечно его находила в передней с книгой в руке, я тоже любила читать и вследствие этого я его заметила; на охоте я иногда с ним разговаривала; этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться... он также иногда жаловался на одиночество, в каком оставляли его родные; ему было тогда восемнадцать лет, он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава». Вскоре Елизавета Петровна заметила пажа, и его одиночеству пришел конец. Осенью 1749 г. он был назначен камер-юнкером, и «благодаря этому, — пишет Екатерина, — его случай перестал быть тайной, которую все передавали друг другу на ухо, как в известной комедии»³⁸.

«Случай» юного Шувалова, который был моложе Елизаветы на 18 лет, поначалу казался таким же недолгим, как и подобные «случаи» молодых людей, на которых обращала внимание императрица. Но прошел год, и стало ясно, что Шувалов надолго поселился в дворцовых апартаментах. Так началось возвышение Ивана Ивановича Шувалова...

Если бы это была только банальная история жизни одного из многочисленных временщиков императрицы, то на этом и следовало бы закончить повествование о нем — уж слишком малопочтенное занятие писать историю, подглядывая в замочную скважину царских спален. Но Шувалов заметно выделялся из длинного ряда фаворитов русских императриц XVIII в. Оставшиеся после его смерти письма, проекты, а также воспоминания современников позволяют увидеть в нем не только фаворита императрицы, но и деятеля русской культуры, последовательного выразителя интересов дворянства.

Особенно большую роль при дворе И. И. Шувалов играл в последние семь-восемь лет жизни Елизаветы, когда она все меньше появлялась на людях, часто болела и жила уединенно в Царском Селе. В эти годы Шувалов был единственным сановником, имевшим свободный доступ к императрице, т. е. ее главным докладчиком и секретарем. От Шувалова зависело, когда подать императрице доклад, как прокомментировать содержание доне-

сения дипломата и ответить на него. Шувалов не скрывал, что он сам подготавливал тексты распоряжений царицы: «Приказала мне написать письмо к собственному подписанию, которое теперь и подано»³⁹.

В системе абсолютной монархии, когда успешное решение дела, а нередко карьера и благополучие чиновника могли зависеть от каприза, проявлений сиюминутного настроения монарха, роль фаворита, влиявшего на монарха, резко возрастала. Переписка Шувалова с крупнейшими деятелями 50-х — начала 60-х годов показывает, что сановники наперебой стремились заручиться поддержкой и дружбой Шувалова. Особенно преуспел в этом канцлер М. И. Воронцов, который делал все возможное, чтобы прослыть приятелем И. И. Шувалова. Не приходится сомневаться, что во многом благодаря И. И. Шувалову его двоюродные братья Петр и Александр Ивановичи Шуваловы сумели нажить огромные богатства, получив от государства доходные металлургические заводы и монополизировав ряд важнейших промыслов. Втягивали Шувалова в свои интриги и другие деятели елизаветинского времени. Сохранилось немало писем «друзей» Шувалова, пекущихся о своем «кредите» при дворе. Лишь когда приблизился конец царствования Елизаветы и знать отшатнулась от фаворита, Шувалов осознал истинную цену такой дружбы. 29 ноября 1761 г., т. е. за месяц до смерти Елизаветы, он писал М. И. Воронцову: «Вижу хитрости, которых не понимаю, и вред от людей, преисполненных моими благодеяниями. Невозможность их продолжать прекратила их ко мне уважение, чего, конечно, всегда ожидать был должен, и не был столько прост, чтоб думать, что меня, а не пользу свою во мне любят»⁴⁰.

Не следует, впрочем, думать, что мягкий Шувалов был послушной игрушкой в руках своих родственников и приятелей. В марте 1759 г. И. И. Шувалов писал М. И. Воронцову, который просил похлопотать о предоставлении ему хлебной монополии, что в данный момент государство не нуждается в такой монополии. «Сверх того... — заключал Шувалов, — против пользы государственной... я никаким образом на то поступить против моей чести не могу, что ваше сиятельство, будучи столь одарены разумом, конечно, от меня требовать не станете»⁴¹. Документы по внутренней и особенно внешней политике, написанные его рукой, свидетельствуют о несомненно самостоятельном уме и аналитических способностях. Шувалов достаточно глубоко разбирался в делах и при необходимости добивался их решения по своему плану, исходя из своих интересов и представлений о деле. Разумеется, излишне доказывать, что суждения Шувалова имели в тогдашней обстановке абсолютную ценность и возражений не вызывали, ибо воспринимались правительствующими чиновниками как указы императрицы.

В последние годы царствования Елизаветы возросла роль И. И. Шувалова во внешнеполитических делах. Свержение канц-

лера А. П. Бестужева-Рюмина в 1758 г. произошло если и без прямого участия Шувалова, то по крайней мере с его согласия. Формально не входя в Конференцию при высочайшем дворе, образованную в 1756 г. для рассмотрения вопросов внешней политики и ведения войны, он значил во внешнеполитических делах больше, чем вся Конференция. Без его распоряжений и во всяком случае одобрения не проводилась в жизнь ни одна крупная внешнеполитическая акция. Он, как канцлер, получал депеши посланников и рапорты главнокомандующих, сообщавших о важнейших делах и просивших, подобно Фермору, «в милостивой протекции содержать и недостатки... мудрыми... наставлениями награждать». Весной 1761 г. И. И. Шувалов вместе с канцлером М. И. Воронцовым вел переговоры с австрийским посланником Н. Эстергази и заключил конвенцию о продолжении войны против Пруссии⁴².

Важной чертой статуса Шувалова было то, что в сложной иерархии чиновной России он занимал весьма скромное место. Шувалов не имел высших воинских и гражданских званий, орденов и титулов, т. е. всех тех блестящих атрибутов власти и внешнего почета, которыми временщики (часто подсознательно) стремились компенсировать незаконность своего могущества. Шувалов же стремился избежать почестей, отклоняя один за другим проекты о наградах и пожалованиях. В 1757 г. Воронцов представил Шувалову для передачи на подпись Елизавете проект указа, согласно которому Шувалов сразу становился членом Конференции при высочайшем дворе, сенатором, графом, кавалером высшего ордена Андрея Первозванного и, наконец, обладателем поместий с населением до 10 тыс. душ. Но этот проект, как и многие другие, ему подобные, не был осуществлен из-за противодействия самого Шувалова, оставшегося до конца царствования Елизаветы лишь «генерал-адъютантом, от армии генерал-порутчиком, действительным камергером, орденов Белого орла, святого Александра Невского и святой Анны кавалером, Московского университета куратором, Академии Художеств главным директором и основателем, Лондонского королевского собрания и Мадритской королевской Академии Художеств членом»⁴³.

Причин подчеркнутой скромности И. И. Шувалова было несколько.

По своему характеру Шувалов, вероятно, действительно не был таким честолюбцем и стяжателем, как его двоюродный брат П. И. Шувалов или Меншиков, Бирон, Потемкин и другие временщики. В октябре 1763 г. И. И. Шувалов писал своей сестре П. И. Голицыной: «Благодарю моего бога, что дал мне умеренность в младом моем возрасте, не был никогда ослеплен честми и богатством, и так в совершеннейших летах еще меньше быть могу...» Это признание уже бывшего фаворита, написанное из-за границы, куда его как в почетную ссылку отправила Екатери-

на II, можно было бы игнорировать, если бы те же мысли не посещали Шувалова в годы его фавора. В письме Воронцову от 10 декабря 1757 г., которое содержит отказ поддержать упомянутое выше предложение Воронцова о награждении Шувалова, фаворит писал: «Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности; когда я, милостивый государь, ни в каких случаях к сим вещам моей алчбы не казал в каких летах, где страсти и тщеславие владычествуют людьми, то ныне истинно и более притчины нет»⁴⁴.

Однако не следует преувеличивать значения невзыскательности и скромности фаворита на основании его писем и трогательных легенд о том, что Шувалов вернул государству миллион рублей, подаренный ему умирающей Елизаветой. Более десятка лет он жил на содержании императрицы, ни в чем себе не отказывая. Скромность Шувалова, которую, как мы видели, он прекрасно осознавал и даже подчеркивал, была не столько особенностью его характера, сколько позицией, довольно редким тогда типом поведения, обусловленным своеобразием положения Шувалова при дворе. Такая неординарная манера поведения выделяла Шувалова из ряда титулованных вельмож и подчеркивала его исключительность еще более выразительно, чем ордена и звания.

Формальная незначительность места в чиновной иерархии была удобна Шувалову еще и потому, что снимала с него ответственность за успех дел, к которым он был причастен, и даже нередко позволяла избежать их решения. И тогда нарочитая скромность могущественного временщика становилась маской лицемерия: «...не будучи ни к чему употреблен, не смею без позволения предпринимать, а если приказано будет, то вашему сиятельству отпишу». Современники прекрасно понимали истинное значение Шувалова и не обольщались его заверениями. В 1761 г. французский дипломат Ж.-Л. Фавье писал: «Он вмешивается во все дела, не нося особых званий и не занимая особых должностей... Одним словом, он пользуется всеми преимуществами министра, не будучи им»⁴⁵.

Наконец, важно отметить, что Шувалов, следуя своим склонностям и интересам, стремился добиться истинного признания и почестей в той сфере, где количество орденов или громкость титула имели второстепенное значение. Как справедливо писал С. В. Бахрушин, роль русского мецената, покровителя искусства и науки была для Шувалова даже более лестной, чем роль вершителя государственных дел⁴⁶. Подтверждением этой мысли служит приведенный выше официальный титул Шувалова. Он весьма необычен для влиятельного вельможи и временщика.

Шувалову был присущ огромный интерес прежде всего к сфере литературы и искусства. Всякая служба была ему в тягость. Петр III, взойдя на престол, назначил Шувалова начальником Кадетского корпуса. Эта «милость» самодержца — явное пони-

жение — была неожиданностью для Шувалова и вызвала откровенный смех у его ближайших друзей. И. Г. Чернышев не без иронии писал ему 9 марта 1762 г. из-за границы: «...простите, любезный друг, я все смеюсь, лишь только представляю себе вас в гетрах, как вы ходите командовать всем корпусом и громче всех кричите: «На караул!»» Сам Шувалов по поводу этого назначения с унынием писал Вольтеру 19 марта 1762 г.: «Мне потребовалось собрать все силы моей удрученной души, чтобы исполнять обязанности по должности, превышающей мое честолюбие (зачеркнуто — «и входить в подробности, отнюдь не соответствующие той философии, которую мне бы хотелось иметь единственным предметом занятий») и мои силы»⁴⁷.

Источники рисуют Шувалова как человека интеллигентного, воспитанного, мягкого, но несколько расслабленного, вялого, склонного к созерцательности и самоанализу, что в целом не было характерно для стереотипа поведения людей середины XVIII в. с присущей им — детям Просвещения — кипучей энергией и оптимизмом. Примечательно в этом смысле письмо Шувалова Воронцову от 29 мая 1757 г., в котором Шувалов сообщал: «Я, будучи болен, писал к нему (речь идет о другом адресате.— Е. А.), и как болезнь обыкновенно представляет нам состояние наше, как оное есть точно, то у меня вырвались... изъяснения моих гипохондрических мыслей, которые я себе в утешение часто за слабостью моего рассудка и малодушием представляю... Я чувствую, что много дурно делаю, что вашему сиятельству сие пишу; я сей день целой все болен головой, и в голове все к тому собралось печальное. Простите, милостивый государь, в оном меня: когда откроешь мысли, к кому уверенность есть, то кажется, будто полегче»⁴⁸.

Но эта вялость, как и подчеркнутая скромность фаворита, державшего в течение 12 лет все нити управления, обманчива. По-видимому, Шувалов ориентировался на казавшийся ему идеальным тип поведения далекого от внешнего блеска и суеты философа. В 1763 г. он писал из Вены сестре: «Если бог изволит, буду жив и, возвратясь в мое отечество, ни о чем ином помышлять не буду, как весть тихую и беспечную жизнь; удалюсь от большого света, который довольно знаю; конечно, не в нем совершенное благополучие почитать надобно, но, собственно, все б и в малом числе людей, родством или дружбою со мной соединенных. Прошу бога только о том, верьте, что ни чести, ни богатства веселить меня не могут»⁴⁹.

Любопытно, что эти взгляды И. И. Шувалова явно перекликаются с идеями, сложившимися в 50-е годы в кружке М. М. Хераскова. Это была литературная и одновременно аристократическая фронда, культивировавшая тип человека, «презирающего внешние блага, углубившегося в самосовершенствование, в книги, проводящего жизнь среди высоких идей, окруженного избранными и не менее его добродетельными друзьями». Не исключе-

но, что Шувалов, тесно связанный с Московским университетом (а именно там действовал кружок), черпал свои идеи из того же источника, что и Херасков и его единомышленники. В тогдашних условиях идеал Шувалова был, конечно, неосуществим, да и вряд ли он стремился к его осуществлению. Г. А. Гуковский, анализируя концепцию человека, культивируемую в кругу Хераскова, тонко заметил, что тип, образ идеального человека «создавался как бы вне своей личной жизни, как идеальный облик бытового сознания дворянина, правомерно занимавшего высокое место в сословной лестнице и претендующего на самостоятельность»⁵⁰. По-видимому, именно в этом причина того, что, несмотря на свою «меланхолию», Шувалов оставался сыном своего века — деятельным и энергичным.

А век, в котором жил И. И. Шувалов, характеризуется одним словом — Просвещение. Мощное движение, охватившее Европу, проникло после Петра и в Россию, стало фактором ее культурной и общественной жизни, определило особенности развития политической мысли, литературы, науки и культуры.

Для Шувалова, как и для многих его современников, чтение книг было главным средством образования. Шувалов собрал прекрасную библиотеку и постоянно ее пополнял. Как вспоминала Е. Р. Дашкова-Воронцова, он получал из Франции все книжные новинки. Список книг, переданных Шуваловым в Академию художеств, свидетельствует о том, что он целенаправленно и тщательно комплектовал свою библиотеку⁵¹.

Главным источником идей Шувалова и близкого к нему круга людей была французская литература Просвещения с ее кумиром Вольтером и энциклопедистами. Чтение и обсуждение литературы вылилось в середине 50-х годов в издание журнала «La Caméléon littéraire», печатавшегося в типографии Академии наук. Его редактором был литератор и масон Т. Г. Чуди, прибывший в Россию в начале 1754 г. и вскоре ставший секретарем И. И. Шувалова. Журнал затрагивал актуальные вопросы литературной и художественной жизни (преимущественно Франции), знакомил своих читателей с новинками прозы, поэзии, философии, театра. Много места в журнале отводилось Вольтеру и литературным спорам того времени. Знакомство русских читателей с литературой Просвещения было продолжено на страницах журнала «Ежемесячные сочинения», издававшегося с 1755 г. по инициативе М. В. Ломоносова и при непосредственной поддержке И. И. Шувалова. Иначе говоря, в России складывалась просветительская среда, в которой жил и действовал Шувалов⁵².

Как уже отмечалось в литературе, восприятие довольно пестрых идей Просвещения зависело не только от индивидуальности человека, но и от объективных условий его существования, позиции класса, к которому он принадлежал. Примером, подтверждающим это положение, может служить отношение Шувалова к Вольтеру.

Шувалов по своим взглядам был далек от обскурантизма. Более того, он помог появлению в России смелой по тем временам и близкой к атеизму книги А. Попа «Опыт о человеке» в переводе ученика М. В. Ломоносова Н. Н. Поповского. Немало он сделал и для защиты от церкви самого Ломоносова — автора «Гимна бороде». И тем не менее Шувалов явно не одобрял антиклерикализм Вольтера и других просветителей, воспринимая их взгляды как осуждаемое безбожие. В письме Воронцову из Франции в 1766 г. он сожалел об упадке, как ему казалось, нравственности и религиозности в стране и видел в этом прямой результат чтения «Вольтеровых сочинений и Анциклопедии». «Вот плоды господ здешних ученых людей, которые устремились истребить закон Христианский», — с пафосом восклицал просвещенный русский вельможа⁵³.

Шувалов высоко ценил творческий гений Вольтера, но настороженно относился к радикализму выходца из третьего сословия Мари-Франсуа Аруэ. Завязав переписку с Вольтером и поручив ему написать «Историю России при Петре Великом», он посылал ему подготовленные Миллером, Ломоносовым и Штелиным материалы в надежде, что будет иметь возможность контролировать издание «Истории». Однако Вольтер выпустил в свет первую часть сочинения без одобрения своего патрона, дав при этом нежелательную для русского двора интерпретацию событий времен Петра I. Шувалов в свойственной ему мягкой манере пытался внушить Вольтеру мысль о необходимости советоваться с ним и учесть сделанные замечания. В письме 19 марта 1762 г. он просил Вольтера отсрочить выход второго издания «Истории» до осуществления редактирования в России, ибо, пишет Шувалов, «ваши завистники и наши общие враги неистовствуют против нас более, чем когда-либо (Елизавета к тому времени уже умерла. — Е. А.), мое положение вынуждает меня считаться с ними, а вы меня слишком любите, чтобы желать меня скомпрометировать»⁵⁴.

Нужно отметить, что отношение Шувалова к просветителям отражало достаточно распространенные в России идеи. Так, Ломоносов в очень резких выражениях осуждал этику и религиозные воззрения Вольтера. Думается, Шувалов разделял взгляды Ломоносова, о чем говорит и приведенное выше его письмо Воронцову. В своих воспоминаниях И. Ф. Тимковский, видевший престарелого Шувалова с томиком Вольтера в руке, передает его, по-видимому характерное, высказывание о Вольтере: «Вот как не люблю его, бестию... а приятно пишет!»⁵⁵

Отрицая радикализм Вольтера и энциклопедистов, Шувалов принимал в западноевропейском просветительстве главным образом идеи борьбы против невежества и суеверия, а в победе Просвещения видел залог благополучия государства: «И когда суеверие и невежество — главные противники просвещения — исчезали, надлежало ожидать несомненных успехов». По мнению

Шувалова, первым, кто начал в России борьбу с невежеством и суеверием, был Петр I. Он достиг выдающихся успехов потому, что взял на вооружение достижения культуры и науки («божественным своим предприятием исполнение имел через науку»). Реформы Петра представлялись Шувалову прежде всего как реформы образования, воспитания квалифицированных и образованных верноподданных. «Главное сего монарха попечение было,— писал Шувалов о Петре в проекте указа Сенату,— сделать способных людей к правлению разных должностей, составляющих общий порядок государства». Однако смерть Петра прервала этот поступательный процесс. В письме Гельвецию 27 июля 1761 г. Шувалов отмечал, что пришедшие к власти после смерти Петра I иностранцы «не радели о распространении наук и искусств в стране им чуждой». В итоге «такая небрежность о просвещении юношества... некоторым образом остановила успехи просвещения. Вот почему благородная ревность к учению совершенно была погашена во многих моих соотечественниках»⁵⁶.

Здесь уместно отметить другую весьма характерную черту взглядов Шувалова и близких к нему людей — подчеркнутый патриотизм. Рост национального самосознания, переосмысление роли своей страны в системе европейских государств были прямым результатом петровских реформ, а также воздействия общих идей Просвещения о равенстве народов. Причастность к семье европейских народов в середине XVIII в. воспринималась в России не только как копирование европейских обычаев, быта, культуры, но и как осознание своего равенства с членами этой семьи, а следовательно, осознание собственной значимости, ценности как нации, не лишенной способности и сил «соревноваться в образованности» с развитыми народами. Сильным катализатором таких умонастроений стала бироновщина, способствовавшая обострению национальных чувств.

Особо огорчало Шувалова и его окружение распространенное за пределами России мнение о неспособности русских без помощи других народов стать культурной нацией. Имея в виду время бироновщины, Шувалов писал Гельвецию: «Столь неприятный для нас промежуток времени дал повод некоторым иностранцам несправедливо думать, что отечество наше не способно производить таких людей, какими бы они должны быть»⁵⁷. Убедить всех в обратном — такова была центральная идея Шувалова и близких к нему деятелей русской культуры. Наиболее емко эту идею выразил Ломоносов:

...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

В этой обстановке естественным выглядит подчеркивание ценности национальной культуры, признание значительного и не раскрытого еще (из-за неправильной политики предшест-

вующего правительства) творческого потенциала нации. Подъем национального самосознания приводил к тому, что для современников открывались новые возможности нации. Примечательно на речь ученика Ломоносова и протееже Шувалова Н. Н. Поповского при открытии гимназии Московского университета в 1755 г. Обращаясь к будущим ученикам, Поповский сказал: «Если будет ваша охота и прилежание, то вы скоро можете показать, что и вам от природы даны умы такие ж, какие и тем, которыми целые народы хвалятся; уверьте свет, что Россия больше за поздним начатием учения, нежели за бессилием, в число просвещенных народов войти не успела». Эти взгляды полностью разделял Шувалов. По его мнению, в России «мало своих искусных людей или почти никого нет, чему не склонность и понятие людей, но худые смотрения в премудрых учреждениях виноваты»⁵⁸.

Это и многие другие высказывания Шувалова отражают его общую концепцию понимания Просвещения применительно к России: государство может путем создания «премудрых учреждений» воспитать просвещенных, сознательных и послушных верноподданных. В соответствии с этой — близкой петровской — концепцией просветительской миссии государства Шувалов предполагал создать систему образования. Университет, Академия художеств, проект введения гимназий в губернских городах — вот ряд мероприятий просветительской программы Шувалова, разработанных и отчасти осуществленных в 50-х годах XVIII в.

История возникновения Московского университета изучена достаточно хорошо, хотя роль Шувалова в ней оценивалась не всегда объективно. Но вначале остановимся на отношениях Ломоносова с Шуваловым, ибо они сыграли большую роль и в жизни Ломоносова, и в жизни Шувалова.

Шувалов познакомился с Ломоносовым в начале 50-х годов, когда «случай» Шувалова только начался. Их отношения, сохранявшиеся почти 13 лет, были довольно тесными, причем Ломоносов оказывал сильное влияние на молодого фаворита Елизаветы. И это неудивительно: уже современникам Ломоносов — гениальный выходец из народа — казался личностью яркой, незаурядной. Ломоносов привлекал Шувалова не только успехами в естественных науках, но прежде всего блестящим поэтическим талантом. Есть свидетельства, что Шувалов сам сочинял стихи и брал уроки стихосложения у Ломоносова⁵⁹. Переписка Шувалова с деятелями русской культуры показывает, что поэтический авторитет Ломоносова был для не отмеченного поэтическим дарованием Шувалова необычайно велик. Со своей стороны Шувалов влиял на Ломоносова, способствуя его увлечению литературой, искусством, историей.

Немаловажным обстоятельством, определявшим отношение Шувалова к Ломоносову, было то, что Ломоносов являлся «при-

родным» русским ученым, живым олицетворением реальных успехов просветительского курса Петра. В первом Собрании сочинений Ломоносова, изданных при Московском университете по указанию и при активном участии Шувалова, под портретом Ломоносова стояли такие весьма символические слова:

Открыл природы храм богатым словом россов.
Пример их остроты в науках — Ломоносов.

Общепризнанным является факт активной поддержки Шуваловым Ломоносова в его борьбе за реорганизацию Академии наук, причем Ломоносов и Шувалов рассматривали эту борьбу как сопротивление засилью иностранцев в управлении Академией и придали ей острое политическое звучание.

Разумеется, не следует идеализировать отношения Шувалова и Ломоносова. Непреодолимый барьер социального происхождения, несопоставимое положение каждого из них в обществе, существенные различия во взглядах, разница возрастов — все это разделяло Шувалова и Ломоносова.

Шувалов действительно поддерживал Ломоносова в Академии и влиял на решения К. Г. Разумовского — президента Академии, но был при этом очень осторожен. Он явно не хотел, чтобы его вовлекли в открытую борьбу Ломоносова и других ученых с академической канцелярией во главе с И. Д. Шумахером, а также с Г. П. Тепловым — приближенным Разумовских. Шувалов, возможно, опасался, что прямое участие в этой борьбе может отразиться на его положении при дворе, а сохранение власти и влияния оставалось все же важнейшей задачей просвещенного фаворита.

Ломоносову приходилось расплачиваться и за меценатство Шувалова. Характерна в этом смысле история с полемикой вокруг появившейся в начале 50-х годов сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток». Из переписки Шувалова с Ломоносовым видно, что Шувалов, приняв на свой счет сатиру о щеголе, предложил Ломоносову публично ответить на выпад Елагина. Ломоносов вначале пытался уклониться от открытой защиты «петиметрства», но потом все же был вынужден написать стихотворный ответ Елагину, представив «петиметрство» как невинную шалость молодежи. Обнародование этого стихотворения, автор которого выступал с явно невыигрышных позиций защиты осуждаемого общественного порока, привело к грубым выпадам против Ломоносова его литературных противников и даже учеников⁶⁰.

Не всегда считался Шувалов с самолюбием Ломоносова, его жизненными принципами. Он был и не прочь ради потехи сыграть на слабостях Ломоносова, его вспыльчивом нраве. Именно так следует трактовать попытки Шувалова публично примирить двух литературных противников и заклятых врагов в жизни — Ломоносова и Сумарокова. После их ссоры 2 января 1761 г. в

доме Шувалова, показавшейся хозяину и присутствующим гостям «смешной сценой», Ломоносов написал своему покровителю письмо, полное гнева и оскорбленного достоинства, которое закончил так: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господ бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет»⁶¹.

Возвращаясь к истории образования университета, отметим, что анализ сохранившихся документов показывает: инициатором образования первого в России подлинного университета являлся Ломоносов⁶². Но эти же документы, как и знание общей обстановки в России того времени, убеждают, что без поддержки Шувалова организация университета в Москве была бы неосуществима. Огромна роль Шувалова как первого куратора, способствовавшего становлению университета. Подбор профессуры и студентов, условия учебы и жизни, программы образования, гимназия, типография, бюджет, правовой статус университета — вот только краткий перечень дел по университету, которыми занимался Шувалов. В основе современной библиотеки Московского государственного университета и Академии художеств в Ленинграде лежат книги Шувалова, подаренные и купленные им.

И все же важнее другое. Шувалов хорошо усвоил взгляды Ломоносова на сущность университетской системы и последовательно проводил их на практике, добившись для университета статуса автономного от местных властей учреждения, защищенного рядом привилегий⁶³.

После образования Московского университета Шувалов взялся за новое дело — создание Академии художеств. Эта проблема занимала Шувалова давно, ибо отсутствие национальной художественной интеллигенции вело, по его мнению, к общей отсталости страны. В постановлении Сената 23 октября 1757 г. об основании Академии художеств отмечалось: «...необходимо должно установить Академию Художеств, которой плоды когда приведутся в состояние, не только будут славою здешней империи, но и великою пользою казенным и партикулярным работам, за которые иностранные посредственного знания, получая великие деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сие время ни одного русского ни в каком художестве, который бы умел что делать»⁶⁴.

Русские и советские историки искусства весьма высоко оценивают шуваловский период Академии художеств (1757—1763 гг.). Действительно, Шувалов не только по праву назывался основателем Академии художеств, но и сумел в кратчайшие сроки наладить обучение, которое было поручено приглашенным из-за рубежа высококлассным мастерам. Особое внимание он уделил созданию регламента Академии, за основу которого были взяты идентичные документы некоторых европейских Академий художеств, но подход Шувалова к их использованию был достаточно гибким и этим напоминал петровский: на первое место

Шувалов ставил критерий целесообразности, соответствия Академии условиям России. В распоряжении — «ордере» 1762 г. своим заместителям он писал, что в результате обобщения работы Академии за несколько лет «довольный будет приступ к сочинению регламента, который большей частью самым опытом совершенной быть может»⁶⁵.

Шувалов подарил Академии художеств не только прекрасную библиотеку, но и коллекцию из 104 картин кисти Рембрандта, Рубенса, Ван-Дейка, Тинторетто, Перуджино, Веронезе, Остенде, Пуссена и других мастеров.

У Шувалова было несомненное чутье на талантливых людей. Ни возраст, ни социальное происхождение кандидатов при зачислении в Академию роли не играли. В апреле 1755 г. Шувалов писал Аргамакову о принципе отбора из гимназистов учеников для художественных классов: «...из разночинской гимназии... выбрать из бедных, но способных людей». Так же Шувалов поступал и позже. Примечательна памятная записка Шувалова в Дворцовую канцелярию (1761 г.), давшая в конечном счете России одного из ее выдающихся скульпторов: «...находится при дворе е. и. в. истопник Федот Иванов сын Шубной, который своей работой в резбе на кости и перламутре дает надежду, что со временем может быть искусным в своем художестве мастером». Поэтому Шувалов просит об определении Шубина в Академию, с тем чтобы он «в содержание причислен был... где надежно, что он время не напрасно и с лутшим успехом в своем искусстве проводить может»⁶⁶. Кроме Василия Баженова и Федота Шубина выпускниками Академии шуваловского периода стали архитектор Иван Старов, гравер Евграф Чемезов, скульптор Федор Гордеев, художник Антон Лосенко — целая плеяда блестящих мастеров, без которых ныне невозможно представить себе русское искусство XVIII в.

Учреждение Московского университета и Академии художеств было лишь началом. Шувалов предполагал подвести под систему высших учебных заведений мощный фундамент — провинциальные гимназии и школы. Однако смерть Елизаветы воспрепятствовала осуществлению этих планов.

Необходимо отметить, что планы Шувалова по развитию системы образования в России входили составной частью в общую программу необходимых, по его мнению, перемен. Эта программа была разработана Шуваловым примерно во второй половине 50-х — самом начале 60-х годов и отражена в сохранившихся проектах указов Сенату и памятной записке на имя Елизаветы. Эти представляющие несомненный интерес документы рассматривались во второй главе.

Со смертью Елизаветы ушла в прошлое вся власть Ивана Ивановича Шувалова. Он прожил еще 35 лет, оставаясь на вторых и третьих ролях, проводя жизнь за границей и в том уединении, о котором мечтал.